

ДЕТЕКТИВ ПОД ЗНАКОМ Зодиака

ИАНА КИРСАНОВА

СОЗВЕЗДИЕ СТРЕЛЬЦА,

или
Слишком
много
женщин

Диана Кирсанова
Созвездие Стрельца, или
Слишком много женщин
Серия «Детектив под знаком Зодиака»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=318322

Созвездие Стрельца, или Слишком много женщин: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-31843-8

Аннотация

Когда мужчина, рожденный под созвездием Стрельца, выходит на тропу обольщения, количество побед всегда превышает качество. И Стрельца это не смущает. А зря. На беду журналиста Стаса Любшина, в него влюбилась известный продюсер Марина. Она готова бросить мужа – местного депутата – и выйти замуж за Стаса. Только он иначе смотрит на ситуацию и без всяких колебаний разрывает отношения с Мариной. Однако события принимают фатальный поворот... Молодую женщину находят задушенной в квартире Любшина. Так начинается его кошмар наяву: одна за другой гибнут экс-любовницы журналиста. Сохранить самообладание и разобраться в происходящем ему помогает Леди Зодиак – известная сыщица-астролог...

Диана Кирсанова

Созвездие Стрельца, или Слишком много женщин

– Милый, – сказала она, просовывая руку мне под шею, что должно было означать нежное объятие, и глядя мимо меня нарочно мечтательным взглядом «с поволокой», который так распространен среди актрис и торговых работников. – Милый, поздравь меня: я решилась.

Приподнявшись настолько, насколько позволяла мне эта хватка, я вынул из-под себя скомканную простыню и укрыл ее белевшие в темноте плечи: в комнате было прохладно, потому что я терпеть не могу закрытых форточек. А кроме того, согреваться лучше всего не одеялом, а теплом тела того, кто лежит рядом с тобой, считал я. Конечно, до тех пор, пока этот другой не начинает выяснять отношения.

Но Марина не собиралась ничего выяснять. Она провела по моим губам пальчиками – «брум-брум!», потерлась своим носом о мой и, лениво потянувшись, словно кошка, укусила меня за мочку уха.

– Решилась на что? – спросил я, отводя рукой ее волосы, которые лезли мне в рот и глаза. – Купить ту самую брошь с аметистом, о которой ты твердишь мне всю неделю?

– Мур-мур-мур... – промурлыкала она, прижимаясь ще-

кой к моей груди. Маленькие пальчики начали прогулку по дорожке от подвздошья до пупка и обратно – я невольно хихикнул, потому что стало щекотно. – Нет, какой же ты дурачок... Я решилась выйти за тебя замуж!

Я похолодел. «Здравствуйте, приехали!» – шевельнулась в мозгу неприятная, как вкус холодной яичницы, мысль. Следом за ней возникла вторая: «Ни за что! Стоп, так, может, она беременна?!» И следом за первыми двумя, как бы споткнувшись о них, пришла третья мысль: «Зря перепугался. Она же замужем. Просто разыгралась, шутит... шутница, тоже мне, прямо-таки шоу Бенни Хила».

Марина тем временем приподнялась на кровати, положила ладонь на мою голую грудь и, убедившись, что сердце мое стало биться не ровно, а, так сказать, взволнованными (хотя на самом деле трусливыми) толчками, удовлетворенно кивнула.

Она откинула простыню и встала на ковер точно в центре светового пятна, свет фонаря лился сквозь приоткрытую форточку и при определенном напряге воображения мог бы сойти за лунный. Вся облитая этим электрическим лучом, Марина приподнялась на цыпочки, собрав над головой волосы, и принялась медленно кружиться вокруг своей оси, перебирая босыми ногами, будто следуя ритму одной ей известной сложной мелодии.

Конечно, она делала это намеренно, с чисто женским тщеславием, давая мне полюбоваться своей роскошной, чуть

полноватой фигурой с тонкой талией, пышными бедрами, упругими грудями и темными впадинами подмышек, источавшими еле слышный аромат пряного пота – итога только что закончившейся любовной игры.

– Я долго думала и наконец поняла, что мы созданы друг для друга, – не прекращая движения, проговорила она певуче. – Я поняла это во время долгих бессонных ночей. – (Это был штамп, от которого я невольно поморщился). – Ради тебя я расстанусь с мужем... Это большая жертва, но я брошу его ради тебя. Только ты должен обещать мне, милый, что набьешь ему морду и спустишь с лестницы, когда он придет выяснять отношения... Я так хочу. Ты должен сделать это еще до того, как начнется наш медовый месяц.

И она чуть притопнула ножкой, не выбившись, однако, из ритма импровизированного танца.

Когда тебя кто-то пытается взять на короткий поводок, самое глупое, что можно сделать, – оставаться при этом голым. Голый человек – беззащитный человек, а голый мужчина красив только на репродукциях картин Эрмитажа. Поэтому я встал, завернувшись в простыню на манер римского патриция, а потом включил свет, нашел в ногах кровати свои джинсы и свитер, после надел их и закурил. То, что я закурил, свидетельствовало о крайней степени моего душевного волнения. За сигарету я хватался не чаще одного – максимум двух раз в год.

Марина продолжала кружиться на том же месте, луча уже

не было видно. Я прекрасно видел, что она исподтишка наблюдает за мной круглыми блестящими глазами, и догадывался: она поздравляет себя с тем, что смогла привести меня в столь явное волнение.

Также я понимал: разработанный ею сценарий предполагал примерно следующее: я должен вскочить, схватить ее, закружить по комнате, затормозить-зацеловать, а после бросить обратно на кровать, целуя руки и ноги, потом выдать сумасшедший секс, а затем принести из холодильника шампанское. Ну еще бы! Перспектива стать мужем такой девушки, как она, по ее мнению, должна сподвигнуть меня еще и не на такие подвиги.

– Стас... милый... ты меня лучше покружи... – промурлыкала Марина, и с точно рассчитанной обольстительной грацией протянула ко мне обе руки.

Я взял ее за руки, но кружить не стал, а подвел к стулу и заставил сесть. Марина посмотрела на меня с изумлением: впрочем, взгляд ее немного смягчился, когда она увидела, что я подаю ей белье и одежду. Тело моей подруги, и в самом деле весьма соблазнительное, начинало покрываться гушиной кожей, потому что вместе со светом уличного фонаря из открытой форточки в комнату поступал и холодный воздух. Прихваченные первым морозцем ноябрьские ночи – не лучшее время для танцев перед открытым окном.

– Мы уже уходим? – кокетливо спросила она, натягивая трусики.

– Да, я отвезу тебя.

Ее серебристый смех, наверное, тоже был отрепетирован специально для этого случая.

– Мы едем в ресторан? Не рано ли? Ведь я еще не развелась, а ты уже закатываешь свадебный ужин!

– Боюсь, ужин будет прощальный, дорогая.

– Что?!

Поскольку мой тон и мои слова вступали в резкий диссонанс с той картиной, которую Марина уже успела нарисовать в своем воображении, она наконец почувствовала себя неуютно. Глядя на меня широко раскрытыми глазами, в которых уже подрагивали первые слезы – предвестницы грядущей грозы с молниями и камнепадом, – она невольно прикрыла руками грудь и стала похожа на девочку-подростка, впервые раздевшуюся перед мужчиной.

– Стасик, а... А в чем дело-то? – у нее задрожал подбородок.

– Дело в том, что... Кхм...

Я прекрасно знал: уверенная в себе и обеими ногами крепко стоящая на земле Марина не умрет и не побежит к пруду топиться, если узнает, что в списке моих планов на ближайшие пятьдесят лет начисто отсутствует пункт «женитьба на Марине». Но все-таки надо быть очень жестоким человеком, чтобы сказать: мол, вот тебе, дорогая, бог, а вот порог, девушке, с которой ты провел не один десяток прекрасных ночей. А я отнюдь не жестокий. Но и оттягивать

объяснение тоже не в моем характере. А потому...

– Дело в том, что ты, как мне кажется, торопишь события, – осторожно начал я и, желая выиграть время и дать ей возможность успокоиться, прикурил две сигареты и протянул ей одну. – Зачем тебе разводиться с мужем? Он кто? Известный депутат, в телевизоре то и дело мелькает, по всей стране разъезжает, телеграммы на правительственных бланках пишет, денег много сам зарабатывает и тебе дает – не жадный. Мда. Вот. А я кто? Жалкий журналист в потертых джинсах, пишущий убогие статейки в бульварные журнальчики. Какая нормальная баба променяет на меня курицу... то есть петуха, несущего золотые яйца... То есть не петуха, конечно, а...

Марина, тело и поза которой выражали сильнейшее напряжение, вздохнула посвободней. «Не то! Таких, как она, надо подрезать сразу, еще на взлете!» И правда, Марина снова протянула ко мне руки и заговорила прежним певучим тоном:

– Милый, какая ерунда! Я сделаю из тебя человека всего за каких-нибудь два-три месяца – конечно, если мой Стасик даст мне честное слово, что будет меня во всем слушаться. Не забывай: я продюсер! И очень хороший продюсер. Тебе давно пора бросить эти свои паршивые журнальчики – в наше время сливки снимают только с телевидения! Я знакома кое с кем. Мы пропишем тебя в телевизоре в качестве... ну, это неважно, обозревателя там или эксперта по детско-

му питанию, главное, ты будешь попадать во все программы – эффект стопроцентный! Мы придумаем тебе имидж, я отведу тебя к лучшему портному Москвы... Через полгода ты станешь так же знаменит, как Позднер или этот, как его, который ведет «Пусть говорят»! Главное – молчать и во всем слушать свою умную, – она поцеловала меня в нос, – красивую, – поцелуй попал куда-то в районе уха, – замечательную, – она чмокнула меня в подбородок, – и всезнающую жену!

– А муж? – спросил я, снова отодвигая ее от себя на безопасное расстояние.

– А что муж? А муж объелся груш.

– И тебе его не жалко?

– Почему мне его должно быть жалко? Мы давно уже живем вместе только по инерции. Я – сама по себе, он – сам по себе, кровати в разных комнатах, обеды с разными людьми, общий только счет в банке. А теперь уже даже и не общий. С некоторых пор, – она улыбнулась мне улыбкой заговорщицы, – я не так уж от него и завишу.

– Зато за его широкой спиной ты как за каменной стеной...

– Это только так кажется. И вообще, эта его «широкая спина» выводит меня из себя. Она настолько широкая, что меня саму из-за нее не видно! Так ведь и жизнь пройдет. А с тобой мы... да нам ничего не стоит года через два получить приз в номинации «самая красивая пара на телевидении»!

Веришь?

– Верю. Но знаешь что, давай остановимся на том, что я поверю тебе на слово...

Она помолчала. Посмотрела на меня на этот раз щелками глаз – о, как быстро они сузились! Отвернувшись, очень по-деловому взяла со стула свои колготки, юбку, блузку, подняла с пола туфли на высоких каблуках. Ни слова не говоря, прошла мимо меня в ванную, громыхнула задвижкой, как будто я мог передумать и ворваться следом.

А вернувшись оттуда уже при полном параде – в деловом костюме, надетом поверх белоснежной блузки, с аккуратно стянутыми в строгий узел волосами, – быстрым шагом подошла ко мне и отвесила смачную пощечину.

Рука у Марины, надо вам сказать, далеко не девичья. Я имею в виду удар. Почувствовав во рту солоноватый привкус, я осторожно исследовал языком зубы: по счастью, они оказались целы. Мне всего только повредили десну.

– Подлец, – спокойно, будто подводя итог научному исследованию, сказала Марина. – А я-то еще такого подлца за человека считала... Ничего, ты еще пожалеешь!

– Ты принципиально не хочешь, чтобы мы остались друзьями?

– Да пошел ты!

– Жаль. Честное слово, Марин, я не хотел тебя обидеть. Ты мне всегда нравилась.

– Я сказала: ты еще пожалеешь!

– Ладно. Давай, я подвезу тебя до дома?

– Я сказала: иди ты к чертовой бабушке, – раздельно, сквозь зубы проговорила Марина.

И вышла.

Я немного постоял в коридоре, прислушиваясь – не екнет ли где-нибудь в сердце, не ущипнет ли за краешек мозга чувство, похожее на сожаление. Но ничего подобного не случилось.

Возникло другое чувство: ужасно не хотелось ехать отсюда, из гостиницы на краю Москвы, где Марина предпочитала проводить наши встречи, в свою холостяцкую квартиру одному. Я прикурил новую сигарету, взял телефон и медленно пролистал адресную книжку. Люба, Женя, Светлана... Катька. Стоп! А вот именно Катьку, с ее трогательным стриженным затылком и по-мальчишески длинными руками и ногами, я не видел сто лет.

– Алло!

– Кать? Привет.

– Привет. Это ты?

– Это я. А это ты?

Помолчали.

– Ты не звонил мне сто лет.

– Зато много думал. И все о тебе. Скажи, пожалуйста, о тебе кто-нибудь хоть раз думал целое столетие?

– Опять шуточки... Почему ты вспомнил обо мне именно сегодня?

– Устал думать и захотел увидеть тебя воочию.

– Поздно.

– Что?

– Я сказала – поздно. У нас с тобой все поздно. Я теперь другая. Совсем другая. Пока...

– Как это... погоди! – закричал я, интуитивно поняв, что она собирается бросить трубку. – Катька!

– Ну?

– Что это за «ну»? Куда ты?

Она помолчала.

– Хорошо, я скажу, но только для того, чтобы ты знал. И все: запомни, от тебя мне ничего не нужно. Но у меня будет ребенок.

– У тебя?

– Да. От тебя.

Фу ты черт, да они просто сговорились сегодня!

– Ну? И что ты молчишь?

– А почему ты молчишь?

– А надо, чтобы я что-то сказал?

– Да нет... в общем-то, совсем необязательно.

– Гмхм... Ну что ж... Тогда спокойной ночи?

– Будь здоров.

В ухо полились частые гудки.

Некоторое время я стоял с трубкой в руках, чувствуя себя полным идиотом. Виноватым я себя не ощущал: у нас с Катькой были не те отношения, чтобы вести о ребенке, кото-

рого она зачала от меня, могла вызвать во мне чувство вины или – на выбор – ответственности за содеянное. Я даже не знал, что она перестала предохраняться. Но черт возьми! Раз уж такое случилось, надо же хотя бы обсудить!

Я снова набрал Катькин номер.

– Катък, не бросай трубку. Послушай. Я понимаю: что бы я сейчас ни сказал, все равно буду выглядеть в твоих глазах подлецом и – как это у вас там говорится? – «такой же сволочью, как и все остальные мужики». – Я с шумом пододвинул табуретку и, сам того не желая, присел точно напротив расправленной постели, еще хранившей тепло Маринино тела. – Я действительно считаю, что ни в чем не виноват, тем более сама ты тоже не ставила меня в известность о своих планах! Но я хотел бы, чтобы ты четко представляла себе последствия.

– Я представляю.

– Катька, – мой голос невольно потеплел. Закрыв глаза, я мысленно взял в ладони ее лицо – узкое, скуластое, с чуть косящими черными глазами и кожей настолько нежной, что на ней всегда оставался след от любого прикосновения. Ох, Катька-Катька, ну зачем нам все это? – Катък! Подумай, ты же сама, сама все разрушаешь... Разве нам плохо было вместе? Вдвоем? Мы же были прекрасной парой, мы были лучше всех, самые смелые, умные, красивые... Катя! Ну подумай еще раз, я же люблю тебя, дурочка!

– Я тоже люблю тебя... И его я тоже люблю...

– Ты не можешь любить «его»! «Его» еще нет, это только тканевое образование, ничтожное, ничего не соображающее – господи, даже названия для него нет, разве вот только что «зародыш», фу, какое отвратительное слово!.. «Зародыш»! Катька, ну ты же просто упрямисься! Повторяю еще раз: ребенок мне не нужен. А ты нужна. Всего одна операция, каких-то пять минут, она даже не болезненная, знаешь, сейчас медицина очень далеко продвинулась...

– Ты не любишь громких слов, и я тоже их не люблю, – сказала она, и я физически почувствовал, что меня толкнули в грудь, – нет, не ударили, а просто толкнули, чтобы я отступил с дороги. – Но выбор, который ты предложил мне, совсем невелик. Я беременна. И лишить ребенка можно либо отца, либо жизни. Я не убийца.

Я помолчал.

– Ну что ж... Это твой выбор.

– Да. И я рада, что он сильно отличается от предложенного тобой.

Распрощались мы очень вежливо.

* * *

В общем, у меня образовался свободный вечер. Вернее, небольшой кусочек такого вечера, потому что с тех пор, пока мы с Мариной занимались любовью (кстати, в постели она была столь же сильна и самоуверенна, как и в жизни), а по-

том выясняли отношения, а после я еще узнал много интересного от Катьки, ноябрьский сумрак сгустился настолько, что его уже следовало называть ночью.

Было прохладно, но все же теплее, чем обычно бывает в конце ноября. Листья с деревьев уже облетели, но погоды стояли сухие и безветренные – так что москвичи имели лишнюю возможность не «пересаживаться» раньше времени из плащей в утепленные пальто и дубленки. Для кого как, а для меня это имело значение: из-под курточек и плащей легче разглядеть ножку, прицокивающую каблучком по асфальту, и – если особенно повезет – коленку, так ладно обтянутую гладким чулком, а также ручку, изящно поигрывающую зонтиком.... Конечно, это не весна, когда разодетые и надушенные девочки, на радостях, что повыскакивали из шуб, трещат крыльями и порхают вокруг тебя, как бабочки в Панамском национальном заповеднике. Нет, весна – совсем другое дело... Но и осенью можно натолкнуться на девчонку, которая на некоторое время станет твоей судьбой...

Впрочем, размышлял я все равно напрасно. В такую темень нельзя разглядеть не то что ножку-ручку, но и в принципе какую-либо фигуру, особенно если этой фигуре пришла в голову недобрая мысль перебежать дорогу в неподобающем месте!

А случилось именно это. Сосредоточенно глядя перед собой, я повел машину к выезду на шоссе, как вдруг – в темноте это было еле различимо – слева от ветрового стекла мельк-

нула чья-то невысокая фигура. Коротко ругнувшись, я резко затормозил, машину повело вправо, но тело пешехода уже потеряло равновесие и свалилось прямо под колеса. За секунду до того как нажать на тормоз, я увидел белую руку, на секунду взметнувшуюся перед моими глазами по ту сторону стекла.

– Твою мать!! – от души ругнулся я и выскочил из машины.

Столпившиеся у автомобиля люди – человека четыре – передали мне из рук в руки целую и здоровую правонарушительницу. Пухленькая, кругленькая, как пончик, девушка с вымазанным грязью и исцарапанным во время падения лицом, в съехавшем набок берете, в грязном пальто с разорванным рукавом стояла передо мной и неловко улыбалась улыбкой слабоумной.

– Цела? – Я в одну минуту расстегнул на ней пальто, так же быстро и никого не стесняясь ощупал руки, плечи, колени. – Ты что ж такое творишь, идиотка несчастная?! Если решила с жизнью покончить – тогда тебе к психиатру надо, а не на полосу встречного движения! Цела, я спрашиваю?!

– Ой, я ничего... Ой, я цела, спасибо... Ой, я нечаянно...

– Что тут случилось? – Голос, которым это было произнесано, не оставлял сомнения в том, что он принадлежит автоинспектору. Так оно и оказалось: бдительный страж, раздвинув толпу, стоял около нас и уже тянул из нагрудного кармана служебный блокнотик. – Давайте-ка по порядку, гражда-

не. Итак: что случилось? Кто пострадавший? Кто виновный? Где свидетели?

– Да какие свидетели, какой виновный, – загудели вокруг. – Она, вот эта вот, малахольная какая-то... Стояла-стояла на обочине и вдруг как кинется! Да таких сажать надо! Дура она, товарищ лейтенант.

– Гм... Сержант! – поправил гаишник. – Дура или не дура, а факт нарушения налицо, и я должен запроко... запрото... тьфу ты!!! Запротоколировать! – с ненавистью выплюнул он. – Ваша фамилия?

– Любшин.

– Документы, права на машину.

– Пожалуйста. Но имейте в виду, товарищ сержант, я ничего не нарушил. Она сама...

– Действительно, сержант, девка-то сама.... – загомонили вокруг.

– Разберемся.

– Я... Можно мне сказать? – внезапно подала голос малахольная. – Стас и в самом деле ни в чем не виноват. Я действительно...

– Что?

– Ну, бросилась.

– Под колеса? К нему?

– Ну, да.

Старшина медленно закрыл мой паспорт и воззрился на нарушительницу:

– Да ты что? Зачем?! Может, ты больная? Может, тебе «ноль-пятую» бригаду вызвать?

– Зачем «ноль-пятую»? – простучала зубами пышка.

– Затем, что самоубийц у нас сразу в психушку отвозят! И под капельницы кладут! Зря, между прочим, делают. Лично я бы таких, как ты, которые намеренно под колеса бросаются, брал бы за ноги и головой об мостовую! Вся бы пыль из мозгов вышла!

Небольшая толпа, все еще не отходившая от моей машины, одобрительно загудела.

Пышка шмыгнула носом и промолчала.

Я тоже постепенно пришел в себя.

– Вы что, знакомы с этой... правонарушительницей? – спросил меня лейтенант.

– Первый раз вижу.

– Ну тогда как? Будем составлять протокол?

– Не надо протокола, – улыбнувшись ему, я достал из кармана корочку редакционного удостоверения. – Как я понимаю, жертва в данном случае – я, а претензий к девушке не имею. И даже напротив, готов подвезти ее до места назначения. Чтобы другие автомобилисты в эту ночь спали спокойно.

– Имейте в виду, она вам машину помяла, – хмуро сказал старшина, которому, это было видно, все-таки очень хотелось составить протокол. – Если авто застраховано...

– Оно застраховано, но стоит ли обращать внимания на

такие мелочи, — я еще раз улыбнулся инспектору своей фирменной улыбкой, которая, я знал это, разоружала очень многих.

— Гм... — Он все еще вертел мой паспорт и очень не хотел его выпускать из рук.

Я нежно потянул документ на себя, одновременно вкладывая в ладонь старшины вчетверо сложенную сторублевку.

Он затравленно оглянулся, но из четырех очевидцев около нас осталась стоять только бабка — божий одуванчик в шерстяной вязаной шапочке. Опираясь на клюку, она мелко-мелко трясла седой головой с выбившимися из-под шапки седыми буклями и пожевывала губами, под которыми тоже росло несколько жестких седых волосков. Бабка стояла в самом свете фар, и ее согбенная почти под прямым углом фигура в жуткой хламиде производила... б-рр! — вот какое впечатление она производила.

Я отвернулся, постаравшись, чтобы ведьма с клюкой не заметила моей брезгливости, и снова переключился на старшину:

— Одним словом, благополучно разрешив это дорожное недоразумение и выразив благодарность доблестным стражам порядка, участники дорожно-транспортного происшествия, усталые, но довольные, разъезжаются по домам. Спасибо вам, товарищ сержант, при случае не премину замолвить за вас словечко и вашему строгому начальству.

Быстро запихнув на заднее сиденье несостоявшуюся са-

моубийцу, я сел за руль и тронул авто с места, напоследок сделав ручкой гаишнику и бабке тоже – на всякий случай.

Я проехал несколько сот метров и, только когда парочка, стоящая на дороге окончательно скрылась из виду, я вывел машину на обочину, заглушил мотор и обернулся к сжавшейся на заднем сиденье дурочке в грязном пальто:

– Слушаю тебя.

Она сверкнула из темноты диким, как у степной кошки, взглядом и промолчала.

– Ну?

– Что? – пискнула она из темноты.

– Это я тебя спрашиваю – что? Слух у меня хороший, психика тоже, галлюцинациями я не страдаю и потому безо всяких «кажется» и «если я не ошибаюсь» говорю точно: ты назвала госавтоинспектору мое имя, и я это слышал. И не просто назвала, а призналась, что нарочно хотела броситься именно под мои колеса. Было дело?

– Было...

– Ну тогда, я надеюсь, ты не в обиде на меня за вопрос: за каким дьяволом тебе это понадобилось? Ты что, с глузду сдвинулась? Или я стал объектом кровной мести? Если так, то должен же я хотя б знать...

– А вы меня совсем не помните? – вдруг спросила она. Голос на этот раз звучал гораздо громче, но в нем – о ужас! – отчетливо сложились истерические интонации.

Опа! Оказывается, я должен сам разрешить этот ребус.

«Помните – не помните», странный вопрос. Мало ли девушек я помню, мало ли сколько из них, в свою очередь, не потрудились запомнить меня. Или наоборот.

Но прямо заданный вопрос требовал как минимум хорошо обдуманного ответа. Поэтому я включил в салоне свет и внимательно оглядел забившуюся в угол, дрожавшую, как осенний лист, толстушку в грязном белом пальто и берете, по-прежнему съехавшем набок. У нее были очень круглые и очень тугие щеки, румяные даже сейчас, когда, по всем законам жанра, им полагалось быть бледными. И еще – тонкие губы, сжавшиеся в ниточку, и глаза, заключенные в густую пушистую рамку из ресничек, которые, впрочем, из-за слез и волнений сейчас слиплись в мокрые треугольнички.

Вот по этим щекам и ресницам я ее и узнал. То есть не то чтобы узнал – имя и другие анкетные данные девушки, которую я не переставал считать дурой, по-прежнему не всплывали в моей памяти – а уж на память я никогда не жаловался. Но зато я точно знал теперь, что видел ее в своей редакции. Причем не один раз. И всегда вот такой – забитой, сжавшейся, всегда выбиравшей на летучках самые затененные места, до которых не доставало бдительное око начальства.

– Как тебя зовут?

На этот раз она ответила:

– Рита... Рита Мурашко.

– Постой-постой... Практикантка?

– Да... Летом в «Стобойке» практику проходила...

– Мммм... – вот теперь в моем мозгу бешеной каруселью закрутились воспоминания, и воспоминания эти были очень смешные, – так это ты про коллекцию... коллекцию... – Меня уже душил хохот, и слова приходилось буквально выдавливать из себя. – Коллекцию заварочных чайников писала?!

– Я...

Вот тут я ее вспомнил. И упал на руль, потому что сдерживать смех уже не было никакой возможности.

* * *

Дело действительно происходило в начале лета – полгода назад. Оседлав стул, я сидел в кабинете у отвсека молодежной газеты «С тобой» Натки Игнатовой и пытался выторговать у нее хотя бы полтора дополнительных столбца под статью, над которой я трудился целую неделю. Речь в этой статье шла о подделке культурных ценностей и криминализации рынка антиквариата, фактура приводилась богатая, а впрочем, речь сейчас не об этом.

В еженедельнике, как всегда, места под все заготовленные публикации не хватало, стол Натки Игнатовой к концу дня просто ломился от шоколадок, поднесенных ей, такими же, как я, авторами-горемыками. Я тоже глядел ей в глаза и, улыбаясь так заискивающе широко, что самому себе становился противен, двигал по столу по направлению к Натке очередную «Аленку».

Но отвсек делала мне страшные глаза и хмурила брови, на ее лице ясно читалось: «Не мешай!» Она разговаривала по телефону, и голос у нее был такой, каким дикторы Центрального телевидения вещают о вселенских катастрофах.

– Марго! – проникновенно говорила она в трубку. – Марго, ты что, с ума сошла? Где ты, чем занимаешься? Бросай все срочно и мухой сюда! Шеф сказал, если тебя не будет через пять минут – он подписывает приказ об увольнении!

Трубка была опущена на рычаг. Натка, профессиональным движением вынув из-за уха карандаш и мимоходом сбросив в ящик стола мою шоколадку, хотела было углубиться в план номера, который она с утра кроила и перекраивала как могла, но тут по коридору пронесся топот, и в кабинет ворвалась растрепанная толстушка в слишком натянутом на груди свитере:

– Натка! – в ужасе прошептала она, задыхаясь. – Как об увольнении?! Почему???

И, не удержав равновесия, плюхнулась на свободный стул, прижимая к груди пухлую ручку.

– Потому что ты опять умудрилась стать героиней дня! – раздельно и без всякой видимой жалости ответила Натка. – Ты вчера сюжет про этого, как его, как его, ну, коллекционера чайников, делала?

– Ну я, я, а что? А что? – вплеснула руками толстушка. – Хорошая же тема! У него выставка была в районном Доме культуры. Человек за свою жизнь две тысячи чайников со-

брал, от миниатюрных до пятнадцатилитровых! Скажешь, не интересный материал?

– Интересный, интересный! Очень даже интересный! – с непонятной для меня и этой Риты издевкой подтвердила Наталья. – А комментарий у этого чайного владельца, ну, хозяина коллекции, тоже ты брала?

– Ну я... – и тут Рита смутилась.

Дело в том, что (это я узнал гораздо позже), проторчав возле витрины, заставленной причудливыми предметами для чаепития, добрых полтора часа (Каких только чайников там не было! В виде пишущей машинки, лесного пенька, дамы с собачкой и даже один совершенно неприличный – поглазеть на него собралось особенно много народу), они с нашим редакционным фотографом Васькой по прозвищу Отойти-не-Отсвечивай так и не дождались собственно самого коллекционера. Хозяин выставленной на обозрение публички коллекции на открытие собственной выставки почему-то не пришел.

– Что будем делать? – в сотый раз взглянув на часы, спросила у фотографа Рита.

– Марго, ты меня удивляешь. Ты профессионал или где? Наговоришь за него за кадром все, что эти сумасшедшие собиратели в таких случаях талдычат, – усмехнулся Васька Отойти-не-Отсвечивай. – Дескать, «как говорит сам коллекционер В.И. Тербенников...»

– Думаешь, проскочит?

– Да ну! Он же тебе еще и спасибо скажет! Голову даю на отсечение – этот Терebenников потому и на открытие выставки не пришел, что двух слов связать не может. Стыдится, как пить дать.

Рита в последний раз посмотрела на часы, подумала и согласилась. Вечером на последней полосе нашего еженедельника можно было лицезреть довольно милый материал о необычном увлечении «...нашего земляка, Владимира Ивановича Терebenникова. Говорят, что коллекционером стать нельзя, им можно только родиться. По словам самого Владимира Ивановича, благодаря систематической, серьезной, глубокой работе с коллекцией у него появилась потребность не просто украшать чайниками интерьер своей квартиры, но и как можно больше узнавать об истории этого неприятного на первый взгляд предмета. Владимир Иванович говорит, что искренне влюблен в свою коллекцию. Гордо демонстрируя свежий трофей своим знакомым, он испытывает настоящую эйфорию. Коллекционирование – это настоящий духовный интерес, высшая степень поклонения красоте, которой человеку не хватает в жизни, считает коллекционер Терebenников».

– Ну и что? – быстро спросила Рита.

Откровенно говоря, я, прокрутив в памяти ту публикацию, тоже не увидел в ней ничего криминального, а уж тем более такого, за что девушку можно выгонять с работы.

– Что такого особенного произошло? Обычная статья, сю-

жет, милое домашнее увлечение, людям нравится... – про-
бормотала Рита.

– «Людам нравится»! – передразнила ее Натка. – Шеф се-
годня аж папками в меня швырялся – вот как ему понравив-
лось! Знаешь, что произошло?! Спозаранку, прямо в семь
утра, на студию заявила жена этого В.И. Тербенникова и
потребовала найти управу на мужа. Орет, ногами топает, в
общем, бабий бунт! Шеф ничего не понял, спрашивает: «В
чем дело, гражданка?» А она кричит: «Он, гад такой, трид-
цать лет со мной прожил и все это время притворялся глухо-
немым, а как репортеры эту его чертову коллекцию описы-
вать приехали, так сразу заговорил, интервью дал!» Что тут
началось – ты не представляешь! Ваську на ковер вызвали,
мне форменный допрос устроили! Тебя требуют – тебя нету!
Пока они там разбирались что к чему – я думала, у шефа
инфаркт случится!

Рита открыла рот, да так и осталась сидеть. Я просто во-
очию видел, как сердце у девчонки покрывается ледяной ко-
рочкой страха.

– Вот это да! – прошептала она прыгающими губами. –
Это же надо так влипнуть! И в который раз! Теперь прямо
хоть на практику не ходи – «неуд» поставят, на сей раз уже
точно!

– Почему на сей раз точно? – поинтересовался я. В первый
раз за все время.

– Потому что «последнее предупреждение» ей уже дела-

ли, – ответила за Риту Натка.

Как она рассказала мне впоследствии, на самом деле практикантка Рита Мурашко вовсе не была плохим или нерадивым журналистом. Наоборот, она очень старалась! Но черт его знает, почему все ее старания так часто приводили к обратному результату. Конечно, многое можно списать на неопытность (Мурашко закончила только первый курс журфака), но еще больше начинающей корреспондентке мешали волнение или то, что в кругах творческой интеллигенции называется «мандраж». Из-за него-то бедняга имела несчастье раз за разом прокалываться на совершенно смехотворных вещах.

– Марго! Бери фотографа и срочно дуй в колхоз имени Ильича! – приказывал ей наш выпускающий редактор, разгоняя рукой клубы дыма от папирос, которые он курил одну за другой. – Там наши агрономы-новаторы какой-то новый вид селекции открыли – картофель выращивают круглогодично прямо в подвале, по два урожая в год снимают. Полтора часа тебе на все про все – и чтобы вечером статья об этом была уже готова!

Рита бежала искать Ваську Отойти-не-Отсвечивай, хватала диктофон, прыгала в разбитый редакционный «уазик», тряслась по болотистой местности в забытый богом и людьми колхоз, находила новаторов, брала интервью и... неизбежно портила прекрасный материал какой-нибудь своей нелепой фразой.

«Дан старт подземному размножению картошки!» – писала она в номер, и корректоры лежали на столах от смеха, а лысина редактора покрывалась крупными бисеринками пота.

– Мичурин из тебя не вышел, подруга, – говорил на следующий день шеф-редактор, закуривая очередную папиросу. – Ладно. Попробуй на собачках. В окрестностях города много бродячих псов появилось, есть даже случаи нападения на людей. Сделай проблемный материал.

Рита рыскала по подворотням, выискивала для фото на первую полосу особенно колоритных псов, больше похожих на волков-мутантов, дозванивалась до ветеринарной службы, тщательно записывала все, что ей там говорили, и... снова становилась посмешищем своего коллектива, начиная репортаж бодрой фразой:

«Если вам нанесла покус известная собака, то беспокоиться не стоит, а вот если неизвестная...»

– Деточка, вот уж не думала, что надо знакомиться с каждой собакой... – невинно округляя плутоватые глаза, удивлялась наша корректор, сорокапятилетняя плоскогрудая Алла, никогда не упускавшая случая выставить Риту круглой душой – по той простой причине, что этой Мурашко было двадцать два года, а не сорок пять, за то, что у нее были красивые круглые колени, высокая грудь, маленький задорный носик и, несмотря на полноту, мужчины считали ее в общем-то вполне хорошенькой.

Все – кроме шефа. Наш шеф, тайный алкоголик и явный женоненавистник, как думала про него вся женская часть редакции, буквально на прошлой неделе вызвал Риту в свой кабинет и, не поздоровавшись и не предложив даже присесть, сказал буквально следующее:

– Еще одна такая выходка, моя дорогая, и я буду вынужден просить вас поискать себе другое место, где вы можете практиковаться. Причем желательно как можно дальше от средств массовой информации.

Но обо всем этом я узнал от Натки чуть позже, а пока, глядя на Ритины прыгающие губы и румяные щеки, на которых блестели дорожки слез, просто пожалел девчонку. В конце концов, все мы тоже не сразу стали рысаками, и моя журналистская юность тоже когда-то была украшена подобными нелепостями.

– Ей сейчас к шефу? – спросил я у Натки, подбородком указав на рыдающую Риту.

– Да. Сказал – немедленно выньте мне ее и положьте. Рыком рычал.

Толстушка заревела еще громче. Поток слез на глазах превращался в водопад и шуму от нее производил примерно столько же.

– Ладно, пошли. – Я встал сам и заставил подняться толстушку, которая немедленно стала смотреть на меня как на сошедшего с небес спасителя приговоренных к расстрелу практиканток. – Только одно условие: не реветь и молчать.

От бабьих слез шеф сразу впадает в неистовство, а если ты еще и оправдываться начнешь... Тогда я вообще ни за что не ручаюсь.

Ну, в общем, я ее отмолил. «Под свою ответственность». Воспользовавшись личным обаянием, которого – чего уж тут скромничать и отворачиваться к стене, застенчиво ковыряя пальчиком известку, – у меня всегда полны закрома. Ну вот таким я уродился на свет – высоким-красивым-длинноногим-политически грамотным молодым человеком с искренней улыбкой во всю ширь и таким же искренним желанием, чтобы у всех все было хорошо.

– Ладно, зови ее, – откинулся на спинку своего огромного кресла шеф после того, как я завершил свою короткую речь призывом к «человечности» и к тому, что «не будем брать грех на душу и портить девочке карьере».

Я открыл дверь приемной и поманил Риту пальцем.

Она вошла, ее колени заметно дрожали:

– Игорь Павлыч, можно?

– А-а-а, это вы! – съязвил шеф, но я видел, что он сделал это вполне добродушно. – Новоявленная целительница – куда там Джуне! Бывает же такое – тридцать лет молчал мужик, как рыба, а у тебя в статье вдруг ап! – и заговорил. Да это же сенсация! Знаешь, Мурашко, мы тут о тебе решили специальный репортаж на разворот сделать. «Известная целительница Маргарита Мурашко! Новое российское чудо! В перьях!» И подзаголовок: «Слепые прозревают, глухие слы-

шат, немые говорят!» Это я тебе рабочее название сказал, потом сократим.

Юмор у главреда был, как всегда, тяжеловесный и кондовый, но сообразительная Рита дипломатично улыбнулась одними уголками губ, одновременно опустив очи долу как бы в немом раскаянье и безусловном признании своей вины.

– Ладно, иди, – махнул рукой начальник. – Уволил бы тебя, к чертовой матери, давно руки чешутся – да Любшин вот, добрая душа, взял на поруки. Только никак понять не могу, зачем ему это понадобилось, не иначе как он в пацифисты подался. Но только учти, Мурашко, держу я тебя теперь уже до самого-самого первого предупреждения! Еще раз – и покатишься вниз по лестнице колбаской! Лично спущу!

– Спасибо, Игорь Павлыч... Я исправлюсь, Игорь Павлыч... Я все-все понимаю, Игорь Павлыч, честное слово...

Шеф снова махнул здоровенной ручищей и уткнулся в бумаги. Глубоко вздохнув и постаравшись выдохнуть как можно тише, Рита нащупала за спиной ручку, повернула ее и, пьяная от счастья, выскочила за дверь.

Я вышел следом.

– Ну что, Марго? Кстати, будем знакомы: меня зовут Стас. Можно просто так, без отчества.

– Ой, спасибо вам... то есть тебе... Спасибо вам, Стас, огромное! Катастрофически повезло! Простил! Оставил! Просто не верится!

– Здорово! Теперь тебе надо отыскать какой-нибудь осо-

бенный материал! Нет, ты просто обязана это сделать! Прямо сейчас же и беги, может, чего и нароешь. Типа – «Потомок Малевича нарисовал картину «Черный треугольник!» А? Как? Слабо?

Она выпучила на меня глаза, я слегка передразнил ее (не обидно), и вышел из «предбанника».

Она зачем-то последовала за мной.

Пришлось завести дурочку в свой кабинет и налить ей чашку крепкого кофе.

– Ну, что? Есть что рассказать?

– Нет... Я только хотела сказать спасибо...

– Мгкхм... Как журналист, я, конечно, хотя бы для поддержания профессиональной чести должен бы «разговорить» тебя любой ценой и повытаскивать на свет божий все скелеты из твоего шкафа. Но, наверное, я плохой журналист.

– Я тоже, – вдруг вырвалось у Риты. Чашка с кофе задрожала в ее руке, и девушка поспешно поставила ее на столик.

– Что ты – тоже?

– Я тоже плохой журналист. Очень, очень плохой. Наверное, мне вообще не стоит этим заниматься. Но я... но мне так нравится!

Я не удержался и приподнял брови. Я искренне удивился и теперь смотрел на Риту так, как будто она была восьмым чудом света.

– Да-а... Не часто приходится такое слышать от нашего брата. Журналисты всегда ругают друг друга, но себя самого

каждый из них считает непогрешимым... А почему ты так строга к себе, а, Рита? Может, все же ошибаешься?

– Нет, – мрачно ответила она.

– Но почему?

– Потому!

– Это не ответ.

– Господи ты боже мой! Ну потому, что я глупая, понятно? Потому, что я совершаю идиотские ошибки! Потому, что не могу самостоятельно сделать ни одного стоящего сюжета!

– У каждого бывают неудачи. Не надо к ним так серьезно относиться.

– Это не неудача. Я просто бездарна, вот и все.

Она отвернулась, пряча навернувшиеся на глаза слезы. В кабинете повисла тишина.

– Знаешь что? – наконец осторожно сказал я. – Я пока еще мало видел твоих работ и не могу судить со всей определенностью. Но мне кажется, ты ошибаешься.

– Ну и думайте себе на здоровье, – буркнула она, не поворачиваясь.

– Тебе просто не хватает самостоятельности. Поменьше слушай других и побольше прислушивайся к себе – вот мой совет. И еще... напрасно ты начинаешь профессиональную карьеру в незавидной роли «девочки на побегушках». Так никогда не научишься уважать себя. Тебе надо найти свою, настоящую, – понимаешь? – только одной тебе принадлежащую тему и разрабатывать ее, несмотря ни на что.

– Как это?

– Ну... Как бы это тебе объяснить... сидеть в редакции под теплым крылом начальства – дело, конечно, хорошее. И удобное. Но оно – бесперспективное. Ничего не дает ни уму, ни сердцу. А пробовала ли ты освободиться от всего этого – от страха быть непонятой начальством, от боязни не угодить публике, от шаблонных фраз, от заезженных приемов? Пробовала ли ты хотя бы на время бросить свою Москву и уехать далеко-далеко, пусть на время – допустим, в экспедицию, с настоящими, нормальными ребятами, истинными творцами своей биографии?

– Я не понимаю...

– Да ты только представь, Марго, – говорил я, все больше и больше воодушевляясь, – настоящий Русский Север, су-ровый край, первозданная природа... Ты когда-нибудь пробовала вступить в противоборство с холодным пронизывающим ветром, дождем, от которого не укроешься за зонтиком, с землей, которую тысячи лет покоряли, и до сих пор так и не смогли покорить настоящие мужчины? Ты когда-нибудь пила воду из ручья? А еду в котелке варить пробовала? А ездила в кузове открытого грузовика, и чтобы снег в лицо и радость от того, что ты все это испытала?

Теперь Рита смотрела на меня, но я глядел поверх ее головы, как будто видел там все, о чем рассказывал.

– Ты, поди, и по реке никогда не сплавила, – продолжал я, – по настоящей, широкой и полноводной реке, когда тече-

ние сильное, а глубина – изменчива и непредсказуема... По ней можно плыть целый день и не встретить ни одной живой души, кроме «расчесок» из ивняка и бревен, плывущих навстречу, и зеленоватых от мха берегов... А вокруг будет тихо – так тихо, как об этом можно только мечтать... Красота этих мест – не в ярких красках и сочных пейзажах, которыми славятся южные широты. Это строгая, неброская красота с ее озерами, горными речками, забытыми северными деревушками. Это такая редкая возможность побыть наедине с самим собой... вот о чем я посоветовал бы тебе написать. Там, на Севере, ты бы нашла столько тем, что тебе позавидовал бы самый прожженный волк от журналистики.

– А вы сами... бывали в этих местах?

– Много раз, – быстро солгал я. – Я был в трех, нет, в четырех экспедициях. И совсем скоро поеду в пятую. Геологи меня хорошо знают и охотно берут с собой. Я умею быть полезным.

– Я тоже хочу быть кому-то полезной, – прошептала Рита. И вдруг сказала с силой, вскинув на меня отчаянные глаза: – Знаете что? Возьмите меня с собой!

Я ничего не ответил ей на это, сделав вид, будто предложение показалось мне абсолютно неуместным.

А на самом деле... Куда только не уносит нас фантазия! А на самом деле я просто врал ей, врал, не имея другой цели, кроме как произвести на девочку наилучшее впечатление.

Я и сам был обычным кабинетным журналистом, месяца-

ми не вылезающим из насквозь прокуренных редакций.

Я сам мечтал выбраться отсюда когда-нибудь и поехать в настоящую, большую, научную экспедицию с настоящими мужчинами, суровыми и честными.

Но все, о чем я говорил этой круглощекой студентке – бьющие в лицо ветра, северные реки, сопки и гейзеры, непроходимая топь болот и открытия, возможно, настоящие научные находки, скелеты мамонтов, динозавров, палеонтологические окаменелости, черт возьми! – все это было моей тайной и самой страстной мечтой.

Не ее я убеждал – себя!

Она еще раз внимательно посмотрела на меня и тихонько вышла из кабинета, даже не допив свой кофе.

С тем бы мне полагалось сразу же забыть о своей «спасенной» (потому что она была совсем, то есть абсолютно не в моем вкусе), но забыл я о ней не сразу.

Несколько дней кряду я буквально наталкивался на эту Мурашко в коридорах редакции, и она не просто расцветала навстречу мне улыбкой, но и загоралась поистине неземным сиянием. Этого своего обожания она не умела и не хотела скрывать, и, может быть, именно поэтому я очень быстро стал сторониться ее и вскоре постарался вообще вычеркнуть ее из памяти.

По счастью, если я сам хочу кого-то или что-то забыть, обычно мне это быстро удается.

– Вы меня вспомнили, – счастливо сказала пышка, когда я отсмеялся.

– Увы, да.

– Почему «увы»?

– Потому что мало я хороших перспектив вижу от возобновления нашего знакомства. Ради этого ты меня, я смотрю, даже посадить готова! Лет на десять, чтобы подольше на свидания ходить...

– Стасик...

– Молчи уж лучше!

Меня просто передернуло от этого «Стасик». Терпеть не могу, когда меня так называют. Почему-то на ум сразу приходит крик инженера Брунса из «12 стульев»: «Мусик! Готов гусик?!»

– Куда тебя везти, малахольная?

– К вам...

– Куда?!

Час от часу не легче! Однако до чего самоуверенные девицы бросаются нынче под колеса московских машин!

– К вам домой. Стасик, – вскинулась она, опережая мои возражения, – мне очень нужно с вами поговорить. Вам угрожает опасность. Я писала вам... вы получали мои письма?

– Не называй меня Стасиком и говори мне «ты», – машинально ответил я. – Какие еще письма?

– Значит, не получали. Я написала вам три письма. Я не могла сказать лично – ведь у меня нет номера вашего телефона... и в редакции я теперь тоже не бываю, ведь началась учеба...

– Стоп, а адрес ты мой откуда узнала?

– Я...

Она смутилась. Зачем-то поправила на голове берет, который после этого совсем съехал назад и набок, выпустив ей на лицо пряди густых светло-русых волос. – Я... я следила за вами. Еще тогда, летом...

– Следила! О господи!

– Да... Не подумайте ничего плохого...

Э-э нет, подумал я, речь-то как раз идет о чем-то «плохом». То, что тогда, летом, эта Мурашко пребывала по отношению ко мне в состоянии «втюрившись», – это я, конечно, подозревал. Но следить за мной! Да с какой целью?! Невольно в памяти возникла сцена из итальянского фильма: разъяренная матрона выслеживает отвергнувшего ее любовь ма-чо и с криком: «Так не доставайся же ты никому!» – выплескивает ему в лицо банку серной кислоты, и лицо это сползает с черепа, как пластилиновая маска... Бр-рр!

Невольно я провел рукой по своему лицу. Слава богу, оно еще цело. Гкм-х. Что ж, можно продолжить разговор.

– Так, значит, следила, и что?

– Я хотела все о вас знать. Где живете, с кем. Кто у вас бывает. Я видела всех ваших женщин. Я смотрела на них, чтобы узнать, какой надо быть, чтобы... чтобы заслужить ваше внимание.

– Хм! И что, пришла к какому-то выводу?

– Нет... Они все такие разные...

Что правда, то правда. Однообразие мне претит.

– Стасик, если можно, пожалуйста, поедem, – взмолилась она вдруг. – Мне так много нужно вам сообщить... Честное слово, вы не пожалеете. Это такой ужас! Вы мне еще спасибо скажете.

Рита говорила путано, но, что правда, то правда, весьма интригующе. Подчиняясь ее настойчивому, хотя и плаксивому тону, я завел машину.

И мы поехали. Ко мне.

* * *

Наверное, следует сказать, живу я в отдельной квартире в самом центре Москвы. Тверская, если быть точным, и уж это-то говорит само за себя.

Вопрос для клуба знатоков «Что? Где? Когда?»: «Как и за какие заслуги скромному журналисту, специализирующемуся на не самых крупных расследованиях, удалось обзавестись весьма приличной квартиркой на «золотой» улице российской столицы?»

Знатоки думают минуту, берут дополнительную минуту, потом берут музыкальную паузу – и в конце концов, махнув рукой, отвечают: «Журналисты, как известно, люди все насквозь продажные, вот с продаж-то указанный репортеришка и обзавелся шикарными апартаментами».

И попадают в «молоко»: во-первых, я, может быть, и рад бы так дорого продаться (и даже не один раз), да вот желающие меня приобрести покупатели в ряд не стоят – может, ждут сезонного снижения цен. А во-вторых, когда у человека есть Мамона – так, едва ли не с самого детства я называю свою мать, и ошибется тот, кто решит, будто я именую ее так без уважения, – и ее муж Вениамин Андреевич, то многие проблемы в жизни этого человека решаются сами собой.

Результат: один – ноль в пользу телезрителей...

Мамона работает смотрительницей зала итальянской живописи в Пушкинском музее, а мой отчим Вениамин Андреевич трудится в том же музее экспертом-реставратором. Они встретились и полюбили друг друга лет пятнадцать назад – хотя, убей меня бог, я до сих пор не могу понять, что такие разные люди могли друг в друге найти. Но Вениамин Андреевич, или просто дядя Веня, как я стал звать его совсем скоро, действительно очень любит мою мать. Иначе чем объяснить то, что отраженный свет этой любви долгие годы согревал мое детство и юность? Прекрасно помню, как дядя Веня любил выходить со мной из дома, на виду у всего двора горделиво поправляя на мне, тогда еще десятилетнем ребенке,

шапочку или шарфик, или бегать со мной по осеннему лесу, кидаясь шишками и пригоршнями листьев. Но больше всего дядя Веня любил окунать меня в теплую ванну или мыть под душем. Есть даже фотография тех лет: я, сжавши пухленькие ножки, смешно зажмурившись, стою в ванной и верещу, потому что пена щекочет глаза и щеки...

– А ну-ка, не хнычь! – И отчим, заворачивая меня в большое махровое полотенце, бежит со мной в спальню, чтобы швырнуть меня, визжащего, на их с Мамоной большую расправленную постель.

И даже Мамона – всегда подтянутая, строгая, с поджатыми губами – не выдерживает и смеется, глядя на нас, на то, как мы возимся на ковре, словно большой пес с малым щенком, и хохочем, и ревниво делим машинки – азартно споря о том, кому должна достаться вот та – огромная, пожарная, с дистанционным управлением...

– Милая, у Вениамина не может быть своих детей, – подслушал я как-то раз разговор Мамоны с ее подругой, тоже смотрительницей Пушкинского музея, но только другого зала – импрессионистов. – Это самое большое горе в его жизни, он мне сам говорил... И когда делал предложение, так и сказал: «Я долго наблюдал за вами и вашим мальчиком, мне кажется, я смогу стать для него хорошим отцом...» Потому что, ты ведь знаешь, Тоня, я никогда бы не вышла замуж, если бы это могло повредить моему сыну... Сын для меня, – и она высоко подняла напудренный подбородок, – сын – это

мое все!

Тут я позволил себе усмехнуться и отошел от двери, ведущей в кухню, где Мамона шепталась со своей подругой. В матушкиной родительской любви я нисколько не сомневался, но то, что, кроме меня, в ее жизни существовало еще кое-что, было для меня яснее ясного. Всю жизнь ее преследовало желание Казаться, Выглядеть, а главное – Быть интеллигентной женщиной.

Идеалам Интеллигентности (таким, какие они представлялись ее не слишком богатому воображению) Мамона свято следовала всю жизнь. Ее весьма скромное образование (восемь классов вечерней школы) лишало ее пропуска в лучшие дома Москвы, где читали Борхеса (в котором она ровном счетом ничего не понимала) и слушали Брамса (под которого она засыпала на второй минуте). Но, устроившись смотрителем в Русский музей, Мамона получила возможность не только ежедневно видеть лучших представителей Интеллигенции, но и со значительным видом смотреть на них сквозь стекла слегка приспущенных к носу очков.

– Скажите, это Ван Рейн? – робко спрашивал какой-нибудь изможденный библиотечной пылью доходяга, указывая на одну из картин.

И Мамона воспаряла к высотам своей кратковременной славы:

– Это Ван Дейк, – строго и слегка презрительно, произнесла она с таким видом, будто спутать кого-то с Ван Дейком

– преступление, сравнимое разве что с гуманитарной катастрофой. – А Рейн – это река в Германии. Сходите в Географический музей, вам туда.

Очкарик пятился и растворялся в гулких залах музея, не решаясь возразить ей, что Ван Рейном звали также и Рембрандта, а Мамона усаживалась на свое место у входа с видом оскорбленной невинности и сурово поджимала губы.

Ее весьма большой гардероб состоял сплошь из строгих платьев с белыми воротничками и непременною камеей у ворота, деловых костюмов и кружевных блузок с ужасными жабо. На ее прикроватной тумбочке всегда лежал «Улисс» Джойса – она так и не смогла одолеть даже пары страниц, но гости, по нечаянности заглядывающие в спальню, прекрасно видели, *что* именно лежит у нее на тумбочке. С томным видом, высоко поднимая тщательно выщипанные бровки, Мамона заявила однажды нам с отчимом:

– Милые мои, никогда не стоит думать о смерти раньше, чем придет тому пора... Но коль случится мне усопнуть раньше вас, то вспомните мое последнее желание.

Вениамин Андреич тоже повел бровями, проявляя слегка фальшивую заинтересованность, а Мамона продолжила, усаживаясь за стол и принимая позу «Любительницы абсента» кисти Пабло Пикассо:

– Пусть на моих похоронах все время, пока будет длиться панихида и дорога до крематория, играет полонез Огинского...

– Не второй концерт Рахманинова? – уточнил дядя Веня, глядя на нее очень серьезными глазами, на дне которых резвились бесенята.

– О нет, – Мамона взмахнула кружевным манжетом, отвергая саму мысль о такой подмене. – Именно этот полонез. Он наполняет меня экспрессией, – (интересно, подумал я, знает ли Мамона, что такое экспрессия), – и чувствами. Под этот полонез в эмиграции стрелялись белые офицеры... Одним словом, на своих похоронах я хочу слышать именно Огинского.

– Сделаем, – пообещал я и получил в благодарность долгий взгляд ее глаз, мечтательно полуприкрытых веками.

При всех своих больше смешных, чем невыносимых недостатках Мамона всегда была хорошей хозяйкой. Она изумительно готовит (чаще всего по рецептам книги «Любимые блюда королей и императоров») и считает своим долгом непременно сопровождать каждый наш обед маленькой лекцией из этой же книги:

– Друзья мои, сегодня мы с вами будем есть пиццу. Знаете ли вы, что это за блюдо?

– Мамона, ну кто же в наше время не знает пиццу! – не выдерживал я.

– А знаете, как получилось, что такое, в общем-то, простое блюдо, как пицца, завоевало всю Европу? – на глазах оживляясь и не обращая внимания на мой выпад, говорила мать, раскладывая открытый пирог по тарелкам. – В тысяча

семьсот семьдесят втором году, – она поднимала палец, – король обеих Сицилий Фердинанд Первый впервые тайно ночью посетил в Неаполе заведение местного пиццайоло Антонио Тесты.

– Почему тайно? – желая угодить ее желанию потрясти нас своей эрудицией, спрашивал дядя Веня, вспарывая ножом сырную корочку.

Мамона, которая ждала этого вопроса, воспаряла ввысь:

– Потому что пицца, которую тогда всюю пекли на побережье, считалась блюдом простолюдинов и пробовать ее для короля было ниже его королевского достоинства! – Сдвинув на нос очки, она смотрела на нас со значением. – И Фердинанд, считавшийся большим гурманом, пришел от пиццы в восторг. Королевские повара быстро заполучили рецепты этого блюда, но прошло еще много лет, прежде чем пицца заняла свое место в королевском меню. А все дело было в том, что королева Сицилии наотрез отказывалась даже прикоснуться к «еде плебеев».

И, удовлетворенная тем, что пусть на короткое время, но она все же выступила в роли не просто смотрительницы, а целого экскурсовода, Мамона усаживалась на свое место и тоже брала в руку вилку, которую держала, изящно оттопырив мизинчик.

Она не жалела времени, чтобы разрезать свой кусок пиццы на тарелке кусочками сантиметр на сантиметр, а у меня не хватало духу сказать ей, что пиццу едят руками даже

короли и королевы Сицилии. А Вениамин Андреевич, казалось, вообще не обращал внимания на то, кто как ест, ровно как и не придавал значение тому, как при этом выглядит со стороны он сам. Отчим поглощает пищу очень неаккуратно и всегда после обеда оказывается обсыпанным крошками, и Мамона напоминает ему о необходимости вытирать лоснящиеся губы салфеткой.

И одевается он, кстати сказать, тоже не всегда опрятно, рубашка имеет обыкновение выбиваться из брюк, а галстук, сколько он его ни завязывает виндзорским узлом, все время норовит уползти куда-то за ухо. Когда дядя Веня идет по улице, вряд ли кто узнает в этом сутуловатом и неуклюжем человеке одного из лучших реставраторов Москвы. У него всегда на редкость неприкаянный вид – и это тем более странно, что Мамона не щадит усилий, чтобы сделать из него Интеллигента не только по сути, но и по виду. Но это ей плохо удается.

Впрочем, я здорово отвлекся, а хотел-то всего-навсего рассказать о том, что, когда мне исполнилось двадцать три года, Мамона и дядя Веня сделали мне царский подарок. Они переехали жить в квартиру в Теплом Стане, в которой мы с матерью жили до ее замужества, а мне передали «из рук в руки» шикарные апартаменты на Тверской, принадлежавшие отчиму. Правда, шикарными их можно было назвать, только учитывая их месторасположение: доставшаяся мне квартира требовала ремонта и новой мебелировки, но тут

уж я постарался вовсю, и теперь, спустя два года, «хатка» моя выглядела как конфеточка.

Вот в эту «конфеточку» мне и пришлось сегодня привезти такую, с позволения сказать, «изюминку», как Рита. От усталости или от страха, но пышку заметно развезло за то время, пока мы добирались до места назначения. Она выглядела как-то враз обмякшей и осоловевшей, когда я помог ей вылезти из машины и повел вверх по широкой лестнице, слегка подталкивая ее в мягкое место.

– Спишь на ходу.

– Нет, я... устала просто. Сейчас умоюсь и приду в себя, вы не беспокойтесь, Стасик. Такой день утомительный.

Да уж, хмыкнул я про себя, что может быть утомительнее, чем бросаться под колеса идущей машины. Все-таки я не мог простить ей такой манеры напоминать о себе, пусть даже на подобное безумство пышку толкнула сама Любовь.

У меня дома она действительно приняла душ и частично выстирала, частично почистила свою одежду. Мне ничего не оставалось делать, как предложить Рите облачиться в мою пижаму.

И тут вдруг она стала выглядеть очень соблазнительно – есть такие девушки, особенно маленькие и полненькие, которым мужская пижама придает особое очарование и мягкость. Когда Рита в таком виде, с подвернутыми штанинами и рукавами, с мокрыми волосами и румяным лицом показала на кухне, где я соображал нехитрый ужин, я невольно

взглянул на нее с новым интересом:

– Чай, кофе? Или лучше потанцуем?

– Потанцуем? – Она очень медленно соображала. – Зачем?

– Нет, это я так. Шутка. Садись, сейчас я дам чай и пожевать. И рассказывай.

Даже после дня, полного событий, я не мог позволить себе набивать желудок без разбору всем подряд, что найдется в холодильнике, поэтому сподвигся на приготовление настоящих горячих бутербродов. И того времени, пока я возился с сыром, анчоусами, ветчиной, огурчиками и булочками, как раз хватило на то, чтобы выслушать Ритин рассказ – который, кстати сказать, оказался гораздо менее захватывающим, чем я ожидал.

* * *

Итак, все началось в тот день, когда Рита с подружкой, сидя в кафе, обменивались мнениями о только что просмотренной картине с кратким, но броским названием «Ведьма». Фильм не новый, снятый в середине восьмидесятых годов прошлого века, и это очень заметно. Сюжет похож на известную всем картину «Десять негритят»: компания молодых и не очень людей приезжает на какой-то заброшенный остров, о котором ходит дурная слава. В зеркалах и отражениях построенного на острове дома постоянно появляется ведьма

– пожилая крашеная блондинка с нездоровым бледно-зеленым цветом лица и обильным макияжем. Ведьма убивает всех кого ни попадя, сюда же примешивается одно изнасилование и парочка историй про сумасшедших. В конце концов ведьма, в отчаянии от того, что маленький мальчик, который был главной целью всех ее разбойничьих выходов, никак не дается ей в руки, сама выбрасывается из окна.

– Одним словом, дурацкий, некрасивый, глуповатый, занудный и отвратительный фильм, – подвела итог Рита, когда мороженого в вазочках уже почти не оставалось.

– Да это просто шутка! Те, кто этот фильм снимал, сами не верили в историю, которую рассказывали. Поэтому все так и вышло неубедительно, – сказала Надя – так звали Ритину подругу.

И вдруг над их головами раздался незнакомый голос:

– Обе вы ошибаетесь.

Пораженные девицы посмотрели сперва друг на друга, затем на того, кто так бесцеремонно вмешался в их разговор. И глупенькая суеверная Рита чуть не закричала от страха: возле их столика стояла и смотрела на них горящими черными глазами горбатая старуха в черной хламиде и платке, по-пиратски повязанном поверх длинной пегой гривы. Голова у нее тряслась, а челюсть все время делала жевательные движения. Рукой в перчатке с обрезанными пальцами она опиралась на клюку, а пальцем другой руки в такой же перчатке неожиданно погрозила девушкам:

– Не говори того, чего не знаешь. Нечистая сила – страшная сила. Вот за тобой дьявол стоит, через плечо смотрит, человеку, которого любишь, бедою грозит. Вижу, вижу – черная попадья встала из-под земли, руки черные, ногти черные, вся в земле... руки тянет к нему... Будет, будет ему горе, если не опомнится. Черная попадья – она хитрая. И кошкой может обернуться, и женщиной, и кунницей, а надо будет – и желтой змеей обовьется, жизнь заберет, тело в сырую землю утянет...

– Ну все ясно. Можешь не продолжать, – оборвал я Риту, которая, поджав ноги и обхватив руками колени, сидела на стуле чуть раскачиваясь и старательно подвывая, изображая манеру разговора страшной старухи. – Дальше она сказала, что на вас обеих порча, или там, я не знаю, прожженная в нескольких местах карма, предложила избавить от напасти в обмен на энную сумму денег. Глупая ты глупая, и ты попалась на такой дешевый развод! А еще журналистка! Могу только посоветовать тебе впредь почаще читать статьи на тему о мошенничестве. Много эта лжеведьмачка с вас денег содрала хоть, нет?

Рита покачала головой:

– Она нисколько не взяла. И она настоящая ведьма, без «лже». Потому что ведьмы и в самом деле существуют.

Я пожал плечами:

– Конечно, если считать, что ведьма – это женщина, которая может испортить тебе жизнь или стать причиной бед,

разорений и болезней. Кстати, под эту категорию попадает каждая вторая жительница Земли! Да женщины и сами так друг друга все время называют – Ведьма. У некоторых взгляд бывает такой тяжелый, что поневоле содрогнешься, а уж язык! Как начнут молотить – уши вянут. Я вот как раз вчера соседке своей, злобной такой старушонке, нечаянно на ногу наступил – у машины столкнулись, так такого про себя наслушался! И косою я, и хромою, и кривою, и страшный, и вообще как это меня земля носит! И что? Если бы я всему, что она наговорила, поверил, то надо было мне пойти да сразу и повеситься.

– Это просто старая карга была, а никакая не ведьма, – отрезала Рита, которая с каждой минутой держалась все уверенней. – Стасик, вы не подумайте, что я вот прям такая вся суеверная, на всякую ерунду поведистись готова. Ни цыганки, ни лохотронщики еще ничего от меня никогда не получали. Но эта была... настоящая ведьма!

– То есть?

– Стасик, вы только не думайте, что я шучу... Но она вынула из кармана вашу фотографии.

– Что-что?

– Да, ваши фотографии... и вы там были... мертвый.

– Что за бред!

– Да, да. Не смейтесь! – почти закричала Рита, когда я сделал (правда, весьма жалкую) попытку улыбнуться. – Это был такой ужас!

– Да ну, ерунда...

Внезапно сорвавшись с места, Рита бросилась в прихожую и, судя по звукам, стала шарить у себя в сумке. Вернувшись, бросила передо мной на стол несколько глянцевых листочков:

– Вот! Смотрите! Смотрите сами!

Вытерев руки о полотенце, которым подпоясывался вместо фартука, я взял в руки тоненькую пачку снимков. И – почти сразу присел на табурет, потому что мое состояние резко приблизилось к тому, про которое говорят: «...и ноги у него подкосились».

Снимков было пять.

Номер первый – подвешенное к потолку тело с неестественно вывернутой головой. Свесившаяся на лицо пышная грива закрывает пол-лица, но я и без того узнал Марину, ту самую Марину, с которой расстался несколько часов назад, только на этой фотографии она мертва, давно мертва... В абсолютно пустой комнате абсолютно незнакомого мне дома на белом фоне выбеленной стены было запечатлено только это: тело повешенной женщины, одетой в строгий черный костюм, одна туфля на высоком каблуке соскочила с ноги и валяется на полу, вторая вот-вот упадет...

Номер второй – Мила, женщина, появившаяся в моей жизни при довольно необычных обстоятельствах, которые привели к еще более необычным последствиям. В общем, это была не очень красивая история, о которой я не любил

вспоминать. Но вспомнить пришлось: Мила была снята в момент падения, в тот самый момент, когда тело, утратившее опору, летит вниз со стометровой высоты. Голова ее была запрокинута, но я, безусловно, узнал эту хрустальную голубизну глаз, разметавшиеся волосы цвета осенней листвы и пухлые губы, раскрытые в неслышимом миру крике...

На третьей фотографии... Катька. Черный ежик стриженных волос, безжизненно-открытый глаз. Катька была снята крупным планом, и что-то холодное и вязкое осело у меня в животе, когда я увидел этот раскрытый глаз и тонкую длинную шею в багровых пятнах – и вообще это лицо, которое так любил держать в ладонях. «А ведь она ждала от меня ребенка», – мелькнула мысль, но я поспешно отогнал ее, помняв прошедшее время на настоящее: не ждала, а ждет, ведь Катька жива, я точно знаю, что жива!

Четвертая... я невольно вскинул глаза на Риту, и она улыбнулась мне жалкой улыбкой. Фотографии, которые я держал в руках, она, конечно, рассматривала не единожды, и мне трудно было представить, с каким чувством она смотрела на себя саму, лежащую на каком-то диване со скрюченными, поднятыми к горлу руками. «Отравлена», – решил бы тот, кто увидел этот снимок и не увидел сидящей напротив меня живой и здоровой Риты.

И наконец, я сам. Лежу в гробу. Гроб добротный, утопает в цветах, крышка открыта... и в нем, без сомнения, я, потому что как не узнать самого себя, даже если и не выискивать

родинку на подбородке, которую я все-таки нашел.

– Ну что? – спросила Рита, когда я бросил фотографии ей на колени.

– Что-что... просто чья-то дурная шутка. Кстати, под каким соусом старуха в черном подсунула тебе эти фотографии?

– Ну, просто выложила их на стол. И предупредила, что «беда ждет твоего черного принца», это она, безусловно, про вас, Стасик!

– И что же за беда?

– Она сказала... сейчас... – Рита наморщила лоб. – Ах да, вот: «Беда ждет твоего черного принца. Черная попадья на него глаз положила, будет себе дорогу расчищать. Убереги его, скажи, пусть не смеет ни с кем видаться, если хочет жизнь своим присухам сохранить. Один раз увидит – и сразу попадья за ними придет. Смерть, смерть за спиной у него...» Как-то так, в общем.

– А ты неплохо запомнила. Словом, мне нельзя видаться ни с кем, кто тут изображен в... так сказать... мертвом виде?

– Я поняла, что так.

– И это все? А что было потом?

– Это вы про старуху? А ничего не было. Она повернулась и ушла.

– И ты не пыталась ее догнать?

– Зачем? – Рита вдруг часто-часто застучала зубами. – Нет... Н-ни за что на свете я бы не побежала ее догонять...

– Страшно было?

– Д-да.

– А прийти ко мне с этим известием не страшно? Да еще броситься под колеса! Ведь я не должен тебя видеть – ты же сама в «черном списке»!

– Тоже страшно. Но я верю, что со мной ничего не случится. Ведь ты рядом. – «Опа! Она впервые назвала меня на «ты»! – А когда вы рядом...

Вдруг она как-то сразу, одним движением, поднялась с места и бросилась мне на грудь, и не просто упала в объятия, а обхватила меня руками и ногами, как осьминожка, повисла на мне, одновременно рыдая в голос:

– Стасик, дорогой! Я так боюсь! Это ужасно, ужасно! Ведь, когда я бросалась тебе под колеса.... Эта черная старуха была рядом! Я ее прекрасно видела! Потом, когда уже все случилось!

Это было то же самое, о чем я подумал. Но промолчал.

– Откуда она взялась, откуда?! Ведь никто не знал, что я собиралась броситься под твою машину!

– Не надо плакать, глупышка. – Я осторожно провел рукой по ее теплой спине и опустил ее на пол – девушка все-таки весила прилично. – Идем лучше спать. Можешь лечь на мою кровать.

– А вы? – тихо донеслось сквозь рыдания.

– Не бойся, возле коврика у двери не останусь.

...Она улеглась и, немного поворочавшись, успокоилась

под моим одеялом. Запрокинув руки за голову, я лежал на диване в большой комнате, даже через простыню чувствуя, как спину холодит его кожаная обивка. Холод доходил до самых костей. Странно, почему я не чувствовал раньше, что этот диван такой холодный и неудобный?

Межкомнатную дверь Рита прикрывать не стала, и я знал, что она не спит. Хотя моя незваная гостья и лежала не шевелясь, я слышал ее прерывистое дыхание – девчонка никак не могла успокоиться.

– Иди ко мне, – сказал я в темноту.

Кровать, на которой лежала Рита, чуть скрипнула пружинами.

– Ну, иди же, – сказал я нетерпеливо.

Остаток ночи нам уже не было ни холодно, ни страшно.

* * *

Наутро, собирая со стола и вываливая в мусорку все, что осталось от моей вчерашней готовки (никому из нас и в голову не пришло приняться за ужин), я размышлял и никак не мог найти тот самый выход, который должен был бы логично вытечь из моих размышлений. Вопросов было столько, что у меня возникло желание украшать ими новогоднюю елку, а за ответами придется идти, видимо, в дальний лес. Ну, положим, совершенно ясно, что фотографии – искусная подделка, ведь старуха в черном вручила их Рите еще несколько

дней назад, а Марину и Катюку я видел и слышал буквально вчера. Но все остальное никак не укладывалось у меня в голове. Кому понадобилось пугать меня этими снимками? Почему их передали именно через Риту? Куда подевались те три письма, которые, если верить Рите, она написала и отослала мне еще неделю назад? И главное – кто такая эта черная старуха и как на самом деле она оказалась вчера на месте происшествия?

– Привет, – розовая и теплая со сна Рита робко протиснулась в кухню. – Вы... ты уже не спишь?

Улыбка у нее тоже была какая-то утренняя – светлая и немного виноватая.

– Как видишь. Завтракать будешь?

– Ага.

– А умываться?

– Ой! – еще раз улыбнувшись мне, она сползла с табурета и ушла в ванную.

Проводив ее взглядом, я отметил про себя, что фигурка Риты, несмотря на свою пухловатость, все же не лишена изящества. Узкая талия легко и не без удовольствия обхватывается одной рукой. Грудь, что называется, на «ять». А главное – это молочное сияние кожи и румяно-наливные щечки, какие бывают только у очень юных девушек, ну да, ведь Рита учится на втором курсе, значит, сколько ей? – не больше восемнадцати, от силы девятнадцать...

Нет, не прав я был полгода назад, ой не прав! Очень ин-

интересная девушка.

Я только успел накрыть завтрак, как зазвонил телефон. Причем не мобильный, а обыкновенный, домашний. Это мне почему-то не понравилось. Всю дорогу от кухни до коридора я думал, кому это понадобилось звонить мне в семь утра.

Я ведь встал в такую рань только из-за Риты: ее надо было проводить в институт. Обычно по утрам мы, представители так называемых богемных профессий, друг друга не беспокоим. Поэтому вот такой звонок на рассвете хмурого утра ноября мог означать определенно только какую-нибудь гадость.

Так оно и вышло.

– Стас? – услышал я веселый и даже чуть подрагивающий от нетерпения Маринин голос. – Это просто прекрасно, что я тебя застала, мой милый. Иди скорее, посмотри, что ты со мной сделал.

– Здравствуй, – пробормотал я. Сказать, что я опешил, – значило бы в данном случае ничего не сказать.

– Здравствуй, здравствуй. Ну, иди же!

– Куда идти?

– Ты не знаешь адреса? – Она рассмеялась смехом, который я так хорошо знал: серебристым, с переливами. – Или забыл? Беги скорее, если хочешь заполучить сенсацию. Через пару часов тут уже будет свора журналистов.

Она отключилась, и я медленно положил трубку на рычаг.

Потом достал из куртки свой мобильник, набрал Маринин номер. Никто не отвечал.

– Что случилось? – Рита выглянула из ванной и испугалась. – На тебе лица нет! Что случилось?!

– Не знаю, – пробормотал я, потирая лоб. Абсолютно бессмысленный жест, ибо на сообразительность он, как оказалось, никоим образом не повлиял. – Кто-то продолжает шутить... А может, это не... Одним словом, мне надо ехать.

– Прямо сейчас? Обязательно надо?

– Да.

– Ну тогда, конечно, поезжай. За меня не беспокойся, я быстро соберусь и посуду помою. У тебя дверь захлопывается?

– Да.

– Ну, все. Пока!

Перед тем как сказать «Пока!», она сделала нерешительный шагок мне навстречу, словно сомневаясь, полагается ли ей прощальный поцелуй. Я сам тоже не был в этом точно уверен, но мы все же поцеловались – весьма скоро и как бы стесняясь друг друга. Но в самую последнюю секунду Рита вдруг обвила мою шею руками, и я почувствовал на щеке жар ее горячего дыхания.

– Стасик, береги себя. Без тебя я умру...

– Не надо накалять атмосферу, Ритуся.

– Вечером увидимся?

– Возможно...

Я ушел, в последний раз оглянувшись у порога и запомнив ее вот такой – босой, чуть растрепанной, в моей пижамной куртке без штанов, с засученными рукавами, в ее огромных глазах почему-то застыл страх...

* * *

Чувствуя себя отчасти идиотом, отчасти человеком, который, сам того не зная, натворил что-то ужасное, я заскочил в машину и погнал – туда, в маленькую гостиницу в Текстильщиках, где мы с Мариной имели обыкновение встречаться.

По дороге я несколько раз набирал номер ее мобильного и, вслушиваясь в равнодушные мерные гудки, почти физически ощущал, как сердце сжимает чья-то невидимая ледяная рука. Что могло случиться с Мариной? Или нет, не с Мариной. Конечно же, не с ней, потому что голос по телефону у нее был вполне живой и здоровый, я бы даже сказал – веселый. Может, в припадке злости, который еще не прошел у нее после нашего разговора, она сотворила что-нибудь страшное? Прирезала кого-нибудь... подожгла гостиничный номер... Изуродовала себя? Не очень похоже на Марину – ведь вторым ее любимым занятием после секса было как раз любование собой, она могла часами смотреться в абсолютно любую гладкую поверхность, которая была способна отразить ее прекрасный лик... Нет, эта женщина не станет пить уксус, резать вены и вообще следовать поговорке «Выбью се-

бе глаз, пусть у моего мужа кривая жена будет».

Но вот это? Вот это вот: «Иди скорей, посмотри, что ты со мной сделал!» Что я с ней сделал? Ровным счетом ничего! Строго говоря, это она сама залепила мне такую пощечину, что я еще удивлялся, почему не расшатался зуб...

По счастью, в это раннее время кишки московских дорог еще только начинают заполняться машинами, и до Текстильщиков я добрался за каких-нибудь пятнадцать минут. Сонный администратор на ресепшене кивнул мне, как старому знакомому. Возможно, он кивал мне точно так же и раньше, но в другое время я просто не обращал на него внимания – тут же меня передернуло от предчувствия крупной неприятности.

– Добрый день. Вам ключ от...?

– От двести семнадцатого, пожалуйста.

Поскольку мы с Мариной приезжали в эту гостиницу как минимум три раза в неделю на протяжении последних четырех месяцев, портье вполне мог запомнить, что я – это я и мне нужен ключ от двести семнадцатого. И он запомнил, конечно, запомнил. Но при этом увел взгляд в сторону и, вместо того, чтобы сунуть мне ключ, принялся топтаться на месте, как боевой конь.

– В чем дело?

– Да, собственно... – он кашлянул в кулак. – Нет, я просто к тому, что это не мое дело...

– Ну?

– Ваша дама уже получила ключ, она там. Пойдите! – крикнул он мне вслед, потому что я рванул вверх по лестнице. – Я всего только здесь работаю и... И потому не хочу неприятностей.

– Да в чем дело, в конце концов?!

– Она там не одна. Конечно, это не мое дело... Но я на случай, если вы вдруг решите устроить шум. Я всего только здесь работаю...

Не дослушав его, я уже бежал по лестнице вверх и затем налево по коридору до двести семнадцатого номера. Дверь была закрыта не плотно: не заметив этого, я толкнул створку изо всей силы и буквально влетел в номер, еле успев затормозить на середине коридора. Если Марина была в комнате «не одна», то эти двое, наверное, сговорились играть в молчанку, потому что до меня не доносилось ни звука. Сделав два глубоких вдоха, я вошел в комнату.

А войдя в комнату...

* * *

...Марина висела на крюке от люстры под самым потолком, и перевернутый стул, от которого она оттолкнулась ногами (либо который у нее из-под них выбили), валялся на ковре точно напротив незаправленной кровати. Грива роскошных каштановых волос была переброшена Марине на лицо, сквозняк шевелил их – и некоторые тонкие волоски, как

паутинки, парили в воздухе, подсвеченные розовым рассветным солнцем. На ней был тот же самый строгий костюм, в котором она ушла от меня несколько часов назад, и те же туфли на высоких каблуках – одна сорвалась с ноги и лежала на ковре чуть в стороне от стула, вторая покачивалась на носке ноги и грозила тоже вот-вот сорваться вниз.

Это было такое точное воссоздание картинки, которую еще вчера вечером я видел на первой фотографии, что у меня возникло ощущение дежавю.

Еще раньше, чем я успел охватить взглядом все это, в носшибанул резкий запах. Я вспомнил, что у повешенных срабатывает кишечник и мочевого пузырь, заметил небольшую лужицу на ковре под телом, и только теперь к горлу подступила тошнота.

Но, собрав остаток сил, я шагнул к телу и коснулся Мариной руки. Она была совсем холодная. Более того – начала коченеть...

Хватая ртом воздух, я выскочил обратно в предбанник, долго дергал дверь – о черт, как же она открывается?.. на себя или внутрь?! забыл, все забыл! – в конце концов буквально выпал из номера, захлопнул дверь и прислонился к ней, глубоко дыша и, наверное, глядя вокруг себя совершенно дикими глазами, потому что портье, который, оказывается, подсматривал за мной из-за выступа стены, сперва вытянул шею (почему я его и заметил), а затем кинулся вниз по лестнице, отчаянно стуча каблуками.

Я бросился за ним. Это было больше инстинктивное движение – куда-то бежать, кого-то ловить. С тем же успехом я мог начать ломиться в соседние номера – кстати, все как один закрытые.

В два-три тигриных прыжка я настиг тщедушного портье и прижал его к стене, предварительно хорошо потрянув за плечи. Астеничное тельце в форменном бордовом костюме с золотой окантовкой заболталось, как вешалка в открытом платяном шкафу.

– Ты знал?! – прошипел я в востроносое лицо, которое на глазах начало покрываться мелкими бисеринками пота. – Знал, да? Знал, что она там мертвая? Знал, гадюка?!

– Кто?

– Ты!

– Я? Что мертвая? А кто мертвый?

– Марина! Та, что снимала номер!

– Она мертвая?

– Да! Убита!

– Ааааааааа... – тоненьким голосом проскулил портье и, как-то вынырнув из моих рук и из пиджака, стал сползать по стене.

Схватив его за шкуру, я потащил его на первый этаж, к рабочему месту. Запихал за стойку, надел на него пиджак, затем зачем-то толкнул – и портье распластался по своему стулу, как медуза. Было полное впечатление, что его тело отказывается держать какую бы то ни было форму и через се-

кунду он просто стечет со стула и останется лежать на полу студенистой лужицей.

– Включай компьютер!

– Ззз... зачем?

– Кто заказывал номер? Кто его оплачивал? Сама Марина или тот, кто пришел с ней? Если он, то в компьютере должны быть его паспортные данные!

– Нет, нет... Это госпожа Доронина, все она... Мне и в компьютер смотреть не надо...

Доронина – это фамилия Марины.

– Она сама оплатила?

– Да. Сама. Я запомнил, потому что... потому что я ее знаю, и это было так... так необычно.

– Что – необычно?

– Что она не с вами и что сама оплатила номер. И еще она... она дала мне... щедрые чаевые. Как будто хотела, чтобы я запомнил... запомнил ее. Но мне не надо было запоминать. Я и так ее знал.

– Кто был с ней вместе? Ты хорошо разглядел?

– Не очень. Этот человек... Он держался в стороне.

Судорожно сглотнув, отчего худой кадык на его тонкой шее заходил как поршень, портье сделал глубокий вдох и вдруг жалобно попросил:

– Отпустите меня.

Я только сейчас заметил, что держу его за галстук. Разговаривая, я машинально притягивал к себе голову портье, и

в конце концов позу, в которой он оказался, нельзя было назвать удобной.

– Извини, – я выпустил галстук, его голова ударилась о стол, потом заняла свое привычное место: между плеч. – Опиши этого человека.

Закрыв глаза, портье подумал несколько секунд и сказал:

– В шляпе.

– Он был в шляпе?

– Да.

– Так, что еще?

– Широкий плащ.

– Какого цвета?

– Серый. Или песочный. Может, зеленый – я не знал, что надо запоминать! Я так и думал, что будут неприятности! Хотя я всего лишь здесь только работаю, – почему-то добавил он.

Я снова взял его за галстук:

– Что еще помнишь об этом мужчине? Вспоминай!

– Еще... Еще темные очки. Все! Отпустите! Отпустите меня! – Голос его начал срываться на крик.

Шляпа и темные очки, чтобы скрыть лицо, широкий плащ неопределенного цвета – негодай сделал все, чтобы его никак нельзя было узнать!

– Когда он ушел?

– Кто?

– Этот, в шляпе, очках и плаще! Когда он покинул гости-

ницу, желательно точно, по часам?

– Но он ее не покидал!

– Исключено! В номере больше никого нет!

– И все равно я его больше не видел, – упрямо сказал портье, он постепенно приходил в себя. Об этом можно было судить по тому, как решительно он вырвал свой галстук из моих рук. – Я бы запомнил, если бы он прошел мимо меня. Но он не проходил. И сам я все время на месте, даже в сортир не уходил! У нас маленькая гостиница, частная. Я всех вижу. Мужчин за последний час не было! Никто не входил и не выходил. Кроме вас! Вот когда вы пришли, я и решил проследить, кабы чего не вышло! В конце концов, я тут всего лишь работаю, и скандалы в мою смену мне не нужны!

Он настолько привел в порядок свои мысли, что, как я заметил, то и дело косился на никелированный диск стилизованного «под старину» телефона. «Ворвался какой-то сумасшедший, который узнал, что его женщина вошла в «их» номер с другим мужчиной. Сам придушил ее, навел паники и теперь пытается представить дело так, будто ни в чем не виноват. Не на такого напал», – отчетливо читалось в его бегающих глазах. Тонкая, поросшая редкими волосками рука, высунувшись из обшлага пиджака, как змея, медленно потянулась к телефону.

– Стой, – я положил руку на телефон. – Еще пара вопросов – и звони во все колокола, не забудь, кстати, и в «Скорую помощь» звякнуть – пара успокоительных уколов тебе

не повредит. Так ты точно уверен, что тот мужик в шляпе из гостиницы не выходил?

– Уверен.

– Куда он мог деться? Убежать по пожарной лестнице? Спрятаться в подсобных помещениях?

Портье пожал плечами:

– Вход на лестницу закрыт. Нас буквально вчера пожарная охрана оштрафовала, мы обязались за неделю все привести в порядок. А в подсобках сейчас уборщицы копошатся. У них смена. Увидели бы посторонних – крик бы подняли.

Да, это была правда. Кроме того, пускаться сейчас на поиски убийцы одному и неизвестно куда – было лишено всякого смысла. Этим займутся представители нашей доблестной милиции, вызвать которых, по всему виду, у нашего портье давно руки чешутся. Что ж, пусть.

К счастью – я не мог об этом не подумать, – у меня было железное алиби: Марина была убита (никогда не поверю, что эта женщина могла добровольно свести счеты с жизнью) несколько часов назад, а все это время я провел с живым свидетелем – Ритой, да и сам портье видел, что я пришел уже после того, как случился весь этот ужас.

– Скажите... А ведь это вы ее убили?

Вопрос прозвучал мало того что неожиданно и некстати – меня словно облили холодной водой:

– Я-а? Ты что, думаешь, мне бы хватило на это времени?

– Я не знаю. А на что «на это»?

Действительно, он же ничего не видел!

– Ах, так? Ну пойдем.

Он снова забарахтался за своей стойкой, но я выудил его оттуда за шкварник и заставил снова подняться вместе со мной на второй этаж. Перед дверью двести семнадцатого номера, он отчаянно забился в моих руках, выражая явное нежелание входить туда, где висел труп. Вообще-то я и сам понимал, что не надо топтаться на месте преступления, создавая тем самым сложности работе милицейских собак.

– Ничего, с порога посмотришь.

Я распахнул дверь – и замер. Комната была совершенно пуста. Никакого тела на крюке под потолком – не было даже самого крюка. На его месте, чуть покачиваясь, висела хрустальная люстра, и солнце, которое уже начало набирать силу, миллионами искр отражалось в ее хрустальных подвесках. Окно было открыто. Стул стоял у стола. Ковер сверкал чистотой.

И – ни души...

Не веря своим глазам, я выпустил портье из рук (он привалился к стене и нервно захохотал) и обошел номер, заглядывая под кровать, в шкафы, стенные ниши – везде, куда могли спрятать труп или укрыться человек. Везде было пусто. Я высунулся в окно – рядом нет ни лестницы, ни даже сколь-нибудь широкого карниза. Спрыгнув с подоконника, я прошел мимо портье (он уже не хохотал, а как-то похрюкивал от изнеможения) и, хотя это было уже совсем глупо,

посмотрел на цифры на той стороне двери.

Двести семнадцатый. Ошибки нет...

– А вы, оказывается, шутник! – сказал портье. К нему окончательно вернулось самообладание: он чувствовал такое облегчение, что даже позволил себе слегка похлопать меня по плечу. – Ладно, я сам не дурак и ценю хорошую шутку, даже если со мной шутят в восьмом часу утра. Я не сержусь на тебя, парень. Ха! Надо будет сменщику устроить что-то подобное. Его после такой шутки сразу в Склиф можно будет на кожаных носилках, хи-и-и...

Портье снова заквакал от смеха, забыв, как всего только десять минут назад корчился на стуле при одной только мысли о трупе в двести семнадцатом. Я же не разделял его облегчения: склонность к галлюцинациям не входила в число моих особенностей. Недавно в этой комнате находился Маринин труп, это так же точно, как... как... как то, что теперь его в этой комнате нет.

Чертовщина? Или?

Запел мобильник. Не отрывая взгляда от люстры, сверкавшей, как огромный бриллиант, я вытянул телефон из кармана брюк.

– Да.

– Стас! – Этот голос буквально ударил меня в мозг, голову и далее в спинной мозг! – Стас, ты еще здесь? Я рада, что ты меня послушался и сам увидел, что ты сделал со мной. И знаешь, милый, я решила уйти, не дожидаясь репортеров.

Зачем делать им такой подарок, правда? Ведь мы с тобой еще не обо всем поговорили.

– Марина. Это ты, Марина?

– Ну конечно! Это даже странно – не узнать голос любимой женщины. Или нелюбимой – ах да, конечно, нелюбимой, ведь ты отказал мне, когда я просила твоей руки. Это было очень обидно, мой милый. Но я надеюсь, что при нашем следующем свидании...

– Хорошо, давай встретимся, – перебил я ее. – Предлагай: где?

Разговаривая, я одновременно вслушивался: ошибки быть не могло, голос принадлежал именно Марине, из трубки доносилось ее негромкое, чуть прерывистое дыхание. Жива! Все-таки жива!

Мне захотелось запрокинуть голову и глубоко-глубоко вздохнуть: такое огромное облегчение я испытал. Эта стерва решила надо мной подшутить, устроив чудовищную провокацию. Ну погоди же!

– Так где же мы встретимся?

– О, как ты разгорячился.

– Отвечай: где?

– Да хотя бы у тебя дома. Кстати, я никогда не была у тебя дома!

– Что ж, прошу.

– Что ж, благодарю. Ты живешь на Тверской? Я постараюсь прибыть туда раньше тебя, мой милый. Ты все-таки дол-

жен увидеть, что ты со мной сделал.

Ну уж это дудки, подумал я, захлопывая крышку телефона. Второго шанса устроить мне какую-нибудь милую каверзу я тебе не предоставляю. Ах, как зачесались у меня руки! Никогда не бил женщину, но только теперь понял: не бил, потому что не представлялось возможности. За такие штучки... кстати, как она это сделала? За такие штучки Марину-Мариночку... Да я ее... В воображении замелькали картины одна приятней другой. Я даже допускал мысль о женитьбе на ней, чтобы проделывать это все в относительной безнаказанности.

Мысли мои прервал портье. Ощутив себя хозяином положения, он оттеснил меня от номера, прикрыл дверь и недвусмысленно дал понять, что мне больше нечего делать в «его» гостинице.

Я с ним не спорил.

* * *

По дороге домой я позвонил Рите. Номер ее телефона пришлось узнавать через Натку Игнатову – она долго искала, но в конце концов нашла и продиктовала мне его как раз в тот момент, когда я въезжал на Садовое кольцо.

Рита отозвалась сразу:

– Привет, ты уже освободился?

– Я да, а ты? Шлепаешь по дороге в институт?

Мне не хотелось бы, чтобы Марина, если она все-таки доберется до моего дома раньше, застала Риту у меня.

– Ага. Стас, скажи... мы увидимся вечером?

– Возможно.

– Ты не хочешь меня видеть! – горько сказала она.

– Глупости. Просто я пока не знаю, как будет со временем.

Но если ты свободна, жди звонка.

– О, после двух я совершенно свободна!

– Договорились.

Поток машин увеличивался на глазах, начинался обычный московский рабочий день. Опаздывающие граждане ныряли в метро, перебегали дорогу в неположенных местах, голосовали, стоя на обочине. Светлое утро переходило в разноцветный суетливый день. О не в разноцветный, а в однообразно-серый: в небе гроыхнуло, и в лобовое стекло ударили первые капли того отвратительного месива, которое принято называть «дождь со снегом». Я заметил, что небо нахмурилось тучами, и пожалел о солнце, которое выглянуло, как оказалось, только на несколько часов, чтобы по-приветствовать тех, кто встал сегодня особенно рано.

Сквозь падающую с неба кашу я заметил, как впереди замаячила высоченная, наверное, выше меня, женская фигура в коротком ярко-красном кожаном плаще и таких же красных лакированных сапогах на шпильках. Она стояла на обочине и голосовала, протянув руку. В этом не было бы ничего неожиданного, но и сама ее поза, и жест, которым она пыта-

лась поймать попутку, больше подходил короле Великобритании, приветствующей своих подданных, а не мокнувшей на дороге простой московской бабе, которая имела несчастье выйти сегодня на улицу без зонта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.